

ХАБИТУСЫ НАСИЛИЯ И МИКРОСТРУКТУРЫ ВЛАСТИ*

О.В. ПОПОВА

Проблема самоорганизации микроструктур власти мною будет рассмотрена в контексте конкретной проблемы «дедовщины», широко распространенной в армии. Для последней характерно наличие неуставных, нередко унижающих человеческое достоинство (насильственных) отношений среди военнослужащих срочной службы.

Выявление специфических признаков дедовщины, анализ возможных причин ее распространения предполагает учет как внешних, так и внутренних (психологических) факторов, ориентирующих исследовательский интерес данного явления в систему социокультурной динамики. Поиск возможных культурных архетипов феномена дедовщины, мифологем общественного сознания, образующих историко-культурную, этническую инвариантность дедовщины, поможет прояснить сущность данного явления.

Очевидным кажется предположение, что истоки дедовщины кроются в антигуманном функционировании самого общества, в «извращенной» организации социальной жизни. Общей формулой господства современного общества, согласно М. Фуко, является дисциплина («Надзирать и наказывать»). Само общество, представленное сетью дисциплинарных институтов, функционирует в рамках жесткой модели дисциплинарного неравенства, формирующего личность на ранних этапах ее развития. Принципы насильственной дискриминации, универсализируясь на уровне государства, воспроизводятся еще на уровне институтов первичной социализации (семьи, системы образования и воспитания). Дедовщина в таком случае лишь представляет итог экстраполяции наличных общественных отношений в специфическую дисциплинарную среду – армию.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)», грант № 08-03-00590а.

С другой стороны, дедовщина может рассматриваться как проявление в современном социуме архаичных моделей мышлений, с присущим им стремлением к ритуализации, возрождению лиминальных переходов, построению жесткой иерархической системы взаимосвязей на фоне повсеместно распространяющегося демократического уравнивания индивидов. Подобный процесс в более широком масштабе можно было бы охарактеризовать в качестве тенденции, отрицающей ценности общества потребления и возрождающего определенные мифологемы общественного сознания: она направлена (как и многие другие явления, например, описанная Г. Маркузе партизанская война) на разрушение подавляющего и все уравнивающего Целого политической машины.

В связи с такой постановкой проблемы явление дедовщины (в особенности, в ее национальном выражении — землячестве) может в определенном смысле рассматриваться как некий протест против дисциплинарного уравнивания, которое и призвана обеспечить армейская среда. Дедовщина указывает на неизбежное присутствие и возвращение архаичных телесных практик, которые локализуются и возрождаются в определенных субкультурах, в том числе в армии. Нужно признать, что «ритуальное поведение... делает намного интересней повседневность серых будней, так как в нем есть место нигилизму, интеллектуальному бунту против социума и, что очень важно, альтернативной картине мира»¹. Однако этот туман магической притягательности, которая может быстро развеяться в солдатском быту.

Кроме того, дедовщину можно рассматривать как частный случай дисциплинарного порядка, его неизбежное отклонение, возможное лишь постольку, поскольку армия имеет дело не только с вымуштрованными равными в своем статусе подданными (как это предполагает устав по отношению к солдатам срочной службы), но и с субъектами, стремящимися к власти и пытающимися выстроить ее вертикаль в локальной армейской среде. Собственно говоря, альтернатива выхода из бессубъектного состояния, безличного состояния, которое невольно вызывает армейская сре-

да, все же имеется, — она также основана на неуставных отношениях, но с противоположным горизонтальным вектором. Речь идет о таких этических понятиях, как товарищество, дружба и солидарность, культ которых, как считается, способствовал сохранению армейской дисциплины в советской армии до либерализации 70-х гг.

Интересно отметить, что в современном информационном пространстве наблюдается тенденция сформировать толерантность к действующим институтам власти, в том числе и через возрождение упомянутых ценностей. Так, идеологическая миссия сайта Министерства обороны Республики Беларусь, посвященного ознакомлению детей с армейской системой, состоит, очевидно, в формировании позитивного мышления относительно армии. Его начало закладывается уже на уровне используемых в тексте сайта дефиниций, таких, как: «казарма-это большой и уютный дом, в котором живут солдаты и сержанты»². Этот пример показателен: в нем армейские отношения бессознательно воспринимаются положительно под воздействием заложенного архетипа дружной семьи, располагающейся в большом, уютном доме.

Итак, к каким архетипам общественного сознания отсылает феномен дедовщины и как они модернизируются в современной исторической ситуации?

Передача опыта от более опытных (старших) военнослужащих младшему составу армии через разного рода испытания, зачастую носящий ритуальный характер, характеризовало и стрелецкое войско, и армию Петра I и в определенной степени российскую армию на рубеже XIX — XX вв. Вместе с тем наблюдалась следующая тенденция: с увеличением доли технической вооруженности армии передача опыта стала отходить на второй план, а архетип доминирования старшего над младшим остался и приобрел негативные характеристики: оно теряет сакральный или первоначальный смысл, но воспроизводится в виде хабитуса, исторически зафиксированной и бессознательно дублируемой модели поведения. В этом рассуждении мы заимствовали идею Бурдые из работы «Структуры, Habitus, Практики»³. Он, в частности, отмечает, что среда, ассоциируемая с

определенным классом условий существования, производит habitus, т.е. системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов.

Так, появившийся в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (открытой в 1823 г.) прообраз современной дедовщины — «цук», характеризовавшийся неуставными отношениями между старшими и младшими юнкерами возникал на фоне отсутствия общей системы воспитания, при острой нехватке квалифицированных преподавателей. В военной среде власть определяется через грубую физическую силу. Как во времена «цука», так и сейчас. Негативные экстремистские тенденции, характеризующие «цук»: «порка, постановка на колени, драние за уши со стороны не только офицеров, но и фельдфебелей из кадетов, товарищеские «кукуньки», «фарфорки», «бляхи» и пр. виды кулачной расправы»⁴ архетипически могут возрождаться в открывающихся вновь кадетских корпусах⁵.

Вместе с тем во многом воспитание в кадетском корпусе строилось на основе модели монастырского типа: «Все воспитание велось в узком кругу кастовой изолированности, национального самомнения, религиозного отчуждения от иноверцев, презрительного отношения к их обычаям и культуре, к их «духовным пастырям»⁶. Монастырские практики, как и жизнь в военной среде, формировались путем использования многочисленных дисциплинарных методов: «жизнь любого монастыря по существу определяется уставом... Этот устав представляет собой систему, которая подчиняет день ритуалу и членит его в соответствии с определенным распорядком (часы подъема, отхода ко сну, трапезы, работы), предписывает определенное поведение телу (одежда, походка, молчание), определяет использование монастырских территорий в зависимости от часа дня... и обязывает к употреблению конвенциональных формул приветствия... подчеркивания отношений субординации»⁷⁸.

Находясь в этой линии рассуждений, можно, опираясь на описанную М. Энаффом экономику садовского либертинажа, попытаться выявить еще некоторые архетипические пласты дедовщины. При этом в ее основании обнаруживается совмещение, как минимум, трех моделей: военной модели феодального замка; религиозной модели христианского монастыря; промышленной модели капиталистической фабрики. От феодального замка заимствуются властные отношения (абсолютная вертикаль), от монастыря берется общинная организация: порядок, устав, дисциплина, гомосексуальная структура, от фабрики заимствуется право неограниченной эксплуатации энергий и сил. У Бурдье есть очень примечательное рассуждение о том, что бессознательное есть не что иное, как забывание истории, вызванное самой же историей в процессе реализации объективных структур, которые она порождает в квазиприроде *habitus'a*⁹.

Следует отметить, что бессознательные архетипы, питающие корни любого явления, дедовщины в том числе, выявляются лишь в ситуации конфликта ценностных оснований внешней (неармейской) среды и полным их игнорированием или искажением во внутренней среде (демократизация и гуманизация, толерантность, с одной стороны, и унижение человеческого достоинства, инструментализация личности, прикрытые «армейской этикой» и легитимизированные «дедовскими» законами, с другой). С нашей точки зрения, дедовщина отчетливо распознается и имеет место лишь там, где есть определенный кризис этического (идеологического) самопонимания и связанный с ним кризис государственности. Именно последний создает основу для вторжения воинствующей архаики в различные цивилизационные структуры. При этом всегда стоит иметь в виду, пожалуй, самое глубокое психологическое основание дедовщины, коренящееся в тайне человеческой природы: «Во все времена человек испытывал удовольствие, проливая кровь себе подобных, скрывая эту страсть то под покровом справедливости, то под покровом религии. Но основным содержанием и целью всегда оставалось это странное удовольствие»¹⁰.

Примечания

- ¹ Астрахань-21 в.: социокультурная регионалистика. Астрахань, 2007. С. 81.
- ² <http://www.deti.mil.by>
- ³ См.: *Bourdieu Pierre. Structures, Habitus, Practices/ The Logic of Practice.* Polity Press, 1990.
- ⁴ *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М, 1958. С. 55.
- ⁵ См.: *Гребенкин А.Н.* Экстремизм в военных учебных заведениях дореволюционной России: сущность, особенности, формы проявления // *Экстремизм как социально-философское явление.* Орел, 2007.
- ⁶ *Куприн А.И.* Рассказы и повести. Душанбе, 1979. С. 164 (цит по: *Гребенкин А.Н.* Экстремизм в военных учебных заведениях дореволюционной России: сущность, особенности, формы проявления. С. 166).
- ⁷ *Энафф М.* Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. Спб., 2005. С. 238.
- ⁸ Однако стоит прислушаться и к рассуждениям М. Фуко: в «Надзирать и наказывать» он отмечает, что функция аскетизма и «дисциплины» монастырского типа в достижении отрешенности, хотя и подразумевают повиновение, нацелены, главным образом, на более полное владение каждым индивидом собственным телом.
- ⁹ *Bourdieu Pierre. Structures, Habitus, Practices // The Logic of Practice.* 1990.
- ¹⁰ *Энафф М.* Цит. соч. С. 362.